

- боль Л. Д. Славянские древности Белоруссии.—Мн., 1971, с. 5; Мн., 1973, с. 7.
- ⁹ Хлопин И. Н. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе.—В сб.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 102.
- ¹⁰ Загорюльский Э. М. Древняя история Белоруссии.—Мн., 1977, с. 90.
- ¹¹ Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии..., с. 129.
- ¹² Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии..., с. 28; Польш Л. Д. Славянские древности Белоруссии, 1974, с. 147; Солоболь В. Е. Отчет за 1975 г. об обследовании Брагинского и северной части Калинковичского районов Гомельской области.—АИИ АН БССР, д. № 530, с. 7, 24; Лошенко М. И. Отчет о полевых исследованиях в Полесье за 1977 г.—АИИ АН БССР, д. № 570, с. 11.
- ¹³ Штыхов Г. В., Солоболь В. Е. Отчеты о раскопках в Минске, на Менке и обследованиях в Речицком районе Гомельской области в 1976 г.—АИИ АН БССР, д. № 546, с. 6—7.
- ¹⁴ Гури М. Ф. Отчет о полевых археологических изысканиях в Полесье в 1976 году.—АИИ АН БССР, д. № 548, с. 7, 43.
- ¹⁵ Ляўданскі А. М. Археалагічныя доследы ў БССР пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі.—Працы, т. 3, с. 216.
- ¹⁶ Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии..., с. 28.
- ¹⁷ Там же, с. 14, 27.
- ¹⁸ Археалогія, наумізматыка і геральдыка Беларусі.—Мн., 1979, с. 110.
- ¹⁹ Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии..., с. 134.
- ²⁰ Гури М. Ф. Отчет о полевых археологических изысканиях в Полесье в 1976 году.—АИИ АН БССР, д. № 548, с. 3; Лошенко М. И. Отчет о полевых исследованиях в Полесье за 1977 год.—АИИ АН БССР, д. № 570, с. 2.
- ²¹ Лошенко М. И. Отчет о полевых археологических работах в бассейне р. Брагинки в 1978 году.—АИИ АН БССР, д. № 577, с. 3; Он же. Отчет о полевых археологических работах в Логойском районе и в бассейне р. Брагинки в 1979 году.—АИИ АН БССР, д. № 637, с. 25—28, 36—37, 48—70.
- ²² Лошенко М. И. Отчет о раскопках пойменного городища в бассейне р. Ведрич и дообследовании в Логойском районе в 1980 году.—АИИ АН БССР, д. № 677, с. 30—31, 44—45.

В. И. ШАДЫРО

СКОТОВОДСТВО И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ НА СЕВЕРЕ БЕЛОРУССИИ

Имеющиеся археологические материалы свидетельствуют о том, что на севере Белоруссии (бассейн Западной Двины) в эпоху поздней бронзы и раннего железного века сложилась

своеобразная группа балтских племен, которые вместе с племенами Смоленского Поднепровья и юга Псковщины составили единую этнокультурную группировку, получившую в литературе название днепро-двинской.

Наряду с общими элементами в культуре городищ северной Белоруссии выделяется ряд особенностей, которые несколько отличаются рассматриваемую территорию от смежных областей. Отражены они как в материальной культуре, так и в хозяйственной деятельности, а совокупность их позволяет рассматривать Белорусское Подвинье как западный вариант днепро-двинской культуры.

На основе изучения материалов раскопок К. П. Шута, автора, а также остеологических определений В. В. Щегловой попытаемся выделить характерные особенности хозяйственной деятельности племен Белорусского Подвинья в раннем железном веке.

Изучение материала свидетельствует о том, что на территории северной Белоруссии на протяжении длительного времени, вплоть до конца I тысячелетия н. э., основную роль в жизни племени играли скотоводство и охота¹, что и отличает данную территорию от однокультурной области Верхнего Поднепровья, где подсечное земледелие стало ведущей отраслью хозяйства уже в VI—V вв. до н. э.

Остеологический материал показывает, что в памятниках изучаемого периода численность костей домашних животных превышает численность костей диких животных (табл. 1). Это свидетельствует о преобладании мяса домашних животных в рационе питания обитателей городищ. 66% составляют кости домашних животных, 34% — диких.

В этом отношении территория северной Белоруссии нахо-

Таблица

Процентное соотношение костных остатков домашних и диких животных из археологических раскопок городищ северной Белоруссии (по данным определений В. В. Щегловой)

Памятники	Общее число особей (абсолютное)	Особь домашних животных, %	Особь диких животных, %
Урагово	114	89,4	10,6
Бураково	23	51,5	48,5
Кубличи	28	71,4	28,6
Зароново	17	58,5	41,2
Кострица	17	58,5	41,2

дилась на одинаковой ступени развития с сопредельными территориями лесной зоны. По костному материалу видно, что в I тысячелетии до н. э. на севере Белоруссии были известны все основные виды домашних животных: лошадь, крупный рогатый скот, коза и свинья. В отличие от городищ Смоленщины, Волго-Окского бассейна, где в стаде преобладал мелкий рогатый скот и значительный перевес имела свинья, на севере Белоруссии преобладал крупный рогатый скот. Этот факт сближает рассматриваемую территорию со средней Белоруссией, а также с Прибалтикой. Если следовать той точке зрения, что находки костей свиньи указывают на оседлость населения и свидетельствуют о наличии развитого земледелия², то можно сделать вывод, что земледелие на изучаемой территории в I тысячелетии до н. э. имело меньшее значение, чем, например, в области дьяковской культуры и в Верхнем Поднепровье. Остатки домашних свиней на городищах севера Белоруссии, по определению В. В. Щегловой, очень малы³. Крупный рогатый скот давал мясо, молочные продукты, а кости животных широко использовались для изготовления различных поделок. Животноводство северо-белорусских городищ носило мясной характер. Лошадь первоначально являлась мясным животным, хотя в I тысячелетии до н. э. использовалась и для верховой езды. Об этом говорят железные шпоры, удила и псалии, найденные на городищах Девички (шпора), Кострица (псалий). Сопоставляя кости лошадей рассматриваемого периода с костями, обнаруженными в памятниках рубежа I и II тысячелетия, В. И. Цалкин отмечает увеличение высоты в холке на 5 см⁴. Эта разница в размерах лошади объясняется тем, что в I тысячелетии до н. э. и на рубеже нашей эры она была в основном мясным животным. В начале нашей эры лошадь используется в качестве тягла, а также для военных целей, т. е. там, где требуются крупные и сильные лошади, выращиваемые с помощью отбора. Можно предположить, что помимо хозяйственного назначения лошади играли важную роль и в религиозном культе. Прямых доказательств этому у нас нет, но, судя по находкам зубов в могильниках Латвии и Литвы⁵, а также скульптурных изображений коней на городищах Дьяковском⁶ и Новые Батеки⁷, культ коня имел распространение и на севере Белоруссии. Кости лошадей на Смоленщине составляют до 15% остеологического материала, на Полотчине — 20, а на крайней точке изучаемого региона, т. е. на городище Урагово, — 23%⁸. Аналогичная картина наблюдается и на городищах культуры штри-

хованной керамики, где костные остатки лошади составляют 24%⁹.

Что касается разведения мелкого рогатого скота, то его удельный вес в животноводстве северо-белорусских городищ несколько ниже, чем, например, в западной части Волго-Окского междуречья и части Смоленщины, что позволило Ю. А. Краснову выделить указанные территории в подрайон в составе II района, куда, как известно, он включает большую часть Латвии, северную и среднюю Белоруссию, Смоленщину, западную часть Волго-Окского междуречья и часть верхнего течения Десны¹⁰. В среднем в составе костных остатков мелкий рогатый скот составляет 18% от общего числа особей (домашних и диких животных). Соответственно этот же показатель для средней Белоруссии 18—20%, Смоленщины — 24, Прибалтики — до 20, южной Белоруссии 17%. Сопоставление данных по животноводству у племен северной Белоруссии со смежными культурами приводит к выводу, что, несмотря на особенности отдельных микрорайонов, в целом их объединяет сходство в общем уровне развития животноводства. Однако ближе всего по характеру животноводства к племенам Белорусского Подвинья стоят племена культуры штрихованной керамики, а также городища Латвии и Литвы. Специфической особенностью северобелорусских городищ является преимущественное разведение крупного рогатого скота, а также низкий процент костных остатков свиньи в сравнении с сопредельными территориями.

Удельный вес земледелия обитателей северобелорусских городищ не вполне ясен. По всей вероятности, значение его в хозяйственной деятельности населения на различных этапах развития днепродвинской культуры постепенно возрастало. В хозяйстве I тысячелетия до н. э. на рассматриваемой и на сопредельных с нею территориях земледелие могло сыграть роль только побочной отрасли¹¹, так как основная роль в трудовых процессах в земледелии принадлежала женщине, которая, будучи связанной с жилищем, возделывала землю только вблизи него. Урожай с небольших делянок был ничтожным. В условиях патриархата (I тысячелетие до н. э.) земледелие освободилось от связи с домашним хозяйством, превратившись в постоянную отрасль производства, в которой были заняты женщины и мужчины. Земледелие распространялось вширь, перемещалось на отдаленные от жилища участки¹², в подготовке которых важное место имели каменные, а позднее металлические топоры. В конкретных усло-

виях изучаемой территории развитие земледелия было возможно только при условиях вырубki леса. Таким образом, единственно возможной формой развития земледелия здесь была подсека.

На исследуемой территории в начальный период было мало металла для изготовления орудий труда, поэтому в развитии подсечного земледелия в I тысячелетии до н. э. важная роль принадлежала каменному топору. Находки топоров часто зафиксированы в поле, а не непосредственно в местах обитания людей. В противоположность этому высверлины проухоов обнаруживаются обычно на поселениях. Изготовленные в местах обитания топоры применялись на работе при подсеке. С развитием обработки железа и появлением железных орудий подсечное земледелие становится на новую ступень, осваиваются более широкие лесные пространства. На днепродвинских поселениях северной Белоруссии для вырубki леса использовались топоры двух типов — так называемые «скифские», обнаруженные на городищах Бороники, Кубличи, Барсуки, Замощье (вторая половина I тысячелетия до н. э. — первые века н. э.), и «южноприбалтийского» типа из городищ Поддубники, Августово (обломки — Бураково, Кострица) (первые века н. э.). Свидетельством земледелия являются железные серпы и жатвенные ножи, которые обнаружены на всех исследованных памятниках и имеют схожие формы с находками соседних территорий и в особенности с территорией средней Белоруссии. Специфическую форму для нашего региона имели серпы с прямоугольной спинкой (10 экз.), которые К. П. Шут относил к косарям. Прямых данных о том, что выращивали в северной Белоруссии, нет, кроме остатков пшеницы из городища Загорцы¹³. Очевидно, как и в других местах, древние обитатели этого края возделывали ячмень, просо, бобовые. Зерно мололи на каменных зернотерках. По внешнему виду их верхние и нижние камни не отличаются от подобных изделий из поселений других культур этого времени. Ю. А. Краснов, исследуя локальные различия в земледелии на территории лесной полосы европейской части СССР, указывает на своеобразные черты его на территории локализации балтских племен, т. е. в районе от Прибалтики до верховьев Волги, Москвы-реки и Оки и от верхнего Подвинья до верховьев Десны. Здесь раньше, чем в других частях зоны лесов, появляются и более широко распространяются бобовые культуры, овес. Только в этом районе зарегистрированы находки спельты, происхождение которой связы-

вается с Западной и Средней Европой. Здесь использовались определенные типы серпов (IV, VI и VII типы по Ю. А. Краснову), резко отличающиеся от серпов южных окраин лесной зоны. Распространение земледелия на описываемой территории, как утверждал Ц. А. Краснов, шло с запада на восток через Прибалтику¹⁴. Что касается территории днепродвинской культуры, то темпы развития подсечного земледелия и роль этой отрасли хозяйственной деятельности не везде была одинакова. Е. А. Шмидт указывает, что подсечное земледелие стало ведущей отраслью хозяйства в Верхнем Поднепровье в VI—V вв. до н. э. Серповидные ножи появляются на Смоленщине под влиянием зарубинецкого земледелия¹⁵. В западной же части ареала днепродвинской культуры, т. е. на территории северной Белоруссии, где хозяйство носило животноводческий характер, земледелие стало ведущей отраслью несколько позднее, хотя уровень развития его был одинаков. Разница здесь только в удельном весе ведущих отраслей хозяйства в раннем периоде истории племен. Не случайно поэтому переход к пашенному земледелию, который предусматривает определенный уровень развития той и другой отрасли, произошел почти одновременно на всей территории и связывается с концом I тысячелетия до н. э. — первыми веками н. э. На распространение пашенного земледелия в эпоху раннего железа указывают находки деревянных плугов в лесной зоне Восточной Европы¹⁶, датируемых I тысячелетием до н. э. и раньше. Очень важна в этой связи находка рала из Капланович Клецкого р-на Минской области, железного лемеха II—III в. н. э. на территории древних ятвягов. Я. Я. Граудонис считает, что пашенное земледелие на территории Восточной Прибалтики существовало по крайней мере в конце I тысячелетия до н. э.¹⁷ В равной степени это относится к северу Белоруссии. Для изучения данного вопроса очень важно свидетельство римского историка Тацита (55—117 гг. н. э.), утверждавшего, что железобойцы применяют редко, однако зерновые и другие культуры возделывают прилежней, чем германцы¹⁸.

¹ Очерки по археологии Белоруссии, ч. I. — Мн., 1970, с. 219.

² Вассар А. К. К изучению племен I—IV вв. в западной и юго-западной Эстонии. — Вопросы этнической истории народов Прибалтики. Рига, 1955, с. 118.

³ Щеглова В. В. О видовом составе и соотношении между домашними и дикими животными на городищах эпохи раннего железа на севере Белоруссии. — Тезисы докладов на конференции по археологии Белоруссии. — Мн., 1969, с. 107, табл. 1.

- ⁴ Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси.— МИА, 1956.
- ⁵ Граудонис Я. Я. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа.— Рига, 1967, с. 119.
- ⁶ Спицын А. А. Городища Дьякова типа.— Записки отд. русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. 5. Спб, 1903, рис. 150; 13.
- ⁷ Шмидт Е. А. Городище Новые Батеки.— В кн.: Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, рис. 12.
- ⁸ Щеглова В. В. О видовом составе..., табл. 1.
- ⁹ Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии.— Мн., 1978, с. 45.
- ¹⁰ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы.— М., 1971, с. 130—131.
- ¹¹ Слободин В. М. К вопросу о развитии и смене систем земледелия (о времени его возникновения на территории СССР до 1 тыс. н. э.).— В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, т. I. М., 1952, с. 29.
- ¹² Там же, с. 34.
- ¹³ Ляўданскі А. Н., Палікарповіч К. М. Археалагічныя даследаў у БССР у 1933—1934 гг., ч. 2.— У кн.: Запіскі БАН, кн. 5. Мн., 1936, с. 222.
- ¹⁴ Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины.— М.—Л., 1963, с. 23.
- ¹⁵ Шрамко Б. А. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. № 1, 1961; Он же. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника.— СА, 1964, № 4, с. 84—100.
- ¹⁷ Граудонис Я. Я. Латвия в эпоху..., с. 122.
- ¹⁸ Там же.

ЭПОХА ФЕОДАЛИЗМА

